

УДК [502.1 : 574] : 821.161.1-3

ББК 20.1 : 84. ЗР7-4

Т 47

И.А. Тищенко

Экология природы как объект художественного осмысления в современной русской прозе

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье затронуты актуальные проблемы, связанные с сохранением русской природы, художественным и публицистическим осмыслением вопросов состояния деревни как основы национального менталитета, русской духовности.

Ключевые слова:

Природа, экология, защита, жанр, публицистика, сюжет, идея, анализ, рассказ, повесть.

Давно, еще до наступления трагической ситуации в экологии природы с тревогой писал академик В.И. Вернадский: «Человек становится геологической силой, способной изменить лик Земли». И, к сожалению, не в сторону позитивной эволюции. С тех пор прошло немало времени, позади остались целые эпохи в социальной, экономической истории мира и России, но положение, которое вызвало столь печальное суждение у великого ученого-провидца, не только не улучшилось, наоборот, дозрело до высшей точки. Известно, что литература в России никогда не была забавой для «скучающих», она была и есть «совесть народа». И в наше непростое время именно писатели (и ученые, но более всего писатели) подняли свой голос в защиту российской земли от ее беспощадного разрушения и уничтожения: «Потери, исчисляемые в тех или иных единицах измерения, в гектарах затопленных или подвергшихся эрозии земель, в тоннах, кубометрах и кубокилометрах загрязненных вод и отработанных газов, выброшенных в атмосферу, в реки, озера, – все это может быть подсчитано и определено. А потери духовные? Их ни одна из наук не определит, и, пожалуй, только литература способна о них сказать», – пишет С. Залыгин [1, с. 261].

По данным ученых, ежегодно в атмосферу поступает около 26 миллиардов тонн оксидов углерода, 190 миллиардов тонн оксидов серы, и так по каждому из используемых человеком элементов химии. Цифры эти изменяются с каждым годом, но не в сторону уменьшения, а, наоборот, в сторону увеличения. Из материалов

Интернета: «Неуправляемое влияние на климат в совокупности с нерациональным ведением сельского хозяйства (внесение избыточного количества удобрений или средств защиты растений, неправильное ведение севооборота) способны привести к значительному снижению плодородия почв, большим колебаниям урожайности культур. По данным экспертов ООН, в последние годы колебания продукции сельского хозяйства превышали 1%. А ведь уменьшение производства продовольствия даже на 1% может привести к гибели от голода десятков миллионов человек.

Катастрофически сокращаются леса на нашей планете. Нерациональные вырубki лесов и пожары привели к тому, что во многих местах, некогда сплошь покрытых лесами, к настоящему времени они сохранились лишь на 10-30% территории. Площадь тропических лесов Африки уменьшилась на 70%, Южной Америки – на 60%, в Китае лишь 8% территории покрыто лесом».

Автор упомянутых слов здесь же заключает: «Из-за увеличения масштабов антропогенного воздействия (хозяйственной деятельности человека), особенно в последнее столетие, нарушается равновесие в биосфере, что может привести к необратимым процессам и поставить вопрос о возможности жизни на планете. Это связано с развитием промышленности, энергетики, транспорта, сельского хозяйства и других видов деятельности человека без учета возможностей биосферы Земли. Уже сейчас перед человечеством встали серьезные эколо-

гические проблемы, требующие незамедлительного решения». Данных подобного рода привести можно огромное количество – итоги Чернобыльской аварии составили более 2-х миллионов гектаров пораженного леса. То есть хозяйственная деятельность человека приводит к тому, что в скором времени в мире не останется ни одного «места непуганных» зверей и птиц, то есть человек лишает себя своего места в иерархии природной системы, оставляя за собой пустыни и выжженные степи. С одной стороны, человек как природно-биологическая организация пользуется (как все живое на земле существо) дарами природы, с другой же, как биосоциальное существо стремится во что бы то ни стало заполучить от природы как можно больше желаемых для его блага продуктов – ресурсов, не думая о том, что они далеко небесконечны.

В этих условиях роль духовной деятельности общества чрезвычайно важна: а она есть сфера, в первую очередь, литературы и искусства. На сегодня тщетны убеждения некоторых, что человек как существо разумное все-таки когда-то образумится, когда-то прекратит атаку на природу, займется ее воспроизведением, возрождением себя как ее неотъемлемой части.

«Человек – это социализированное природное существо, способное к активно-творческой, созидательной деятельности, имеющей конкретно-исторические общественные формы и связанной с динамикой все большего утверждения справедливого, прекрасного, любви. Причем любовь связывается с первейшей и острейшей потребностью человека в утверждении своего существования в его неповторимой индивидуальности, в свободном волеизъявлении и в то же время как утверждение существования неповторимости другого и необходимости познания его сущности» [2, с. 16]. Айтматов (он – автор этих строк) как великий гуманист XX и XXI веков надеется на природную сущность человека, на его энергию к возрождению через творческое отношение к природе, но никто другой, а сам Айтматов, показал невозможность этого возрождения, то есть возвращения человека к природному своему началу; во всяком случае, тягчайшие трагедии, связанные с этим духовным процессом (дед Момун, например). На подобное возрождение человека думающие авторы надеялись во все времена.

Философ П.Д. Юркевич в далеком 1861-м году писал: эгоистические стремления всегда были сильными, но «человек все же остается человеком, он находит человечество первое всего в себе... в своих понятиях... в своей судьбе, которая слишком тесно связала его с другими, с родом; потому с какой-нибудь стороны в нем всегда остается психическая возможность любви, сострадания, участия, уважения к другим и т.д.» [3, с. 52-53].

Человек в своей природной сущности изменяется, видимо, очень медленно, или вовсе и не меняется; в этом смысле между человеком, скажем, 2000-ней давности и современным человеком почти разницы нет (особенно в биолого-психологическом их строе). Другое дело, что возможности человека, его сила возросли во многом крат, и высочайшие достижения его ума, к сожалению, направлены на уничтожение природы – того дома, в котором он родился и живет, при этом уничтожение ради удовлетворения его алчных потребностей и амбиций.

Однако, это объективная ситуация не дает нам основания не заниматься в дальнейшем духовным воспитанием, совершенствованием человека, умножением и укреплением тех нравственных и моральных кодексов, которые выработаны человечеством в результате его многовековой духовной деятельности. Для отечественной литературы, начиная со «Слова о полку Игореве» (а в устном эпосе еще раньше), тема духовно-нравственного отношения человека к природе была чуть ли не одной из самых главных: «Кто знает Лувр, Прадо, Нью-Йоркский музей шедевров, тот отметит, что нигде нет такого богатства пейзажей, как в «Третьяковке». Нигде в Европе так любовно и проникновенно не изображался живописцами лик Природы, как в России» [4, с. 265]. Пейзажными зарисовками обильно усеяны произведения древних писателей 18 века (Ломоносова, Тредиаковского, Кантемира, Державина). Пейзаж становится одним из важнейших средств социальной характеристики жизни русского крестьянина в творчестве Радищева. XX век сделал пейзаж важнейшим компонентом духовных исканий писателей и их героев – в особенности у Льва Толстого. Прекрасны пейзажи И.С. Тургенева, Н. Лескова, раннее – Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Но в творчестве русских классиков природа как некая вечная данность, как неис-

черпаемый родник духовного наследия или как опосредованное объяснение поведения и психологии человека. Незабываемое: «Как хороши, как свежи были розы...». Блистательные пейзажи созданы Тургеневым и в знаменитых «Записках охотника», в романах «Дворянское гнездо», «Рудин», «Вешние воды». В них сохранены богатство и прелесть русской природы. Традиции Тургенева были развиты в произведениях поздних отечественных классиков – В. Короленко, И. Бунина, А.И. Куприна, А. Толстого, Б. Зайцева, многих других. Тургеневская традиция перешла от них к Михаилу Пришвину, к Константину Паустовскому и другим. Но все это, главным образом, – «интимный и глубоко личный, если так можно выразиться, рассказ отдохновения» [5, с. 253]. А в наше время пейзаж приобрел смысл остросоциальный, наполнившись «чувством тревожным по отношению к природе и тем смыслом, который заключает в себе современная экология» [6, с. 253]. Речь идет о той отечественной литературе, которая появилась уже в наше время, которая идею защиты национальной природы сделала одной из своих главных проблем, а может быть, и самой главной. Ибо охрана природы родины приобрела статус высокой нравственности, сохранение ее стало символом сохранения и развития самой нации, ее великой России. Положение, сложившееся в новой русской истории уже в наше время, продиктовало необходимость резкой активизации деятельности человека по освоению природных ресурсов («Мы не можем ждать милости от природы» – мичуринский лозунг, он превратился в социальный и экономический закон в XX веке). До этого был еще один золотой период, совпадающий со временем жизни и творчества М.М. Пришвина, который «среди тех, кто одним из первых заговорил в советской литературе о новом мышлении» [7, с. 9]. Речь идет о «произведениях классики (и отечественной, и мировой) и не понятых, недооцененных в свое время критикой, в которых содержались ответы на многие сегодняшние вопросы. И ответы эти были не только философски глубоки, диалектичны, многомерны, но и художественно неповторимы» [8, с. 9] в решении трудных проблем нравственности и духовности – и на материале, связанном с русской природой.

В труднейшие 20-30-е годы прошедшего столетия, в эпоху невиданных в России перемен лучшие из писателей думали об умножении природных богатства страны, разумном их освоении, думали как художники (М. Пришвин, К. Паустовский, А. Грин, М. Булгаков, М. Шолохов, Л. Леонов).

Школа М. Пришвина, К. Паустовского после войны пополнилась выдающимися художниками – пейзажистами Ю. Казаковым, Ю. Гончаровым, С. Залыгиным, В. Песковым, В. Распутиным, В. Беловым, В. Астафьевым, Вл. Крупиным, Вл. Личутиным. Даже в войну думалось писателям о русской природе (блистательные картины катастрофически разрушаемой русской, белорусской, украинской природы нарисованы в произведениях Ю. Бондарева, Г. Бакланова, В. Быкова, К. Симонова, Вл. Богомолова, Б. Окуджавы, К. Воробьева, многих других). Глубокое философское исследование духовно-нравственных и художественно-экономических проблем, связанных с судьбой России ныне и в будущем, проведено Л. Леоновым в романе «Русский лес». Вслед за «Русским лесом» появилась целая, большая и умная литература о деревне (правда, и о городе потом) – сперва очерки, статьи В. Овечкина «С фронтовым приветом», «Районные будни», Ефима Дороша «Деревенский дневник», вскоре очерки– статьи выросли в сборники рассказов, в повести и романы Вл. Солоухина, В. Белова, Г. Троепольского, В. Белова, В. Астафьева, Ф. Абрамова, С. Залыгина, П. Проскурина, А. Иванова, Е. Носова, В. Шукшина, Вл. Крупина, В. Распутина, десятков других мастеров. В эти годы (1959) М. Шолохов написал и вторую книгу «Поднятой целины».

То есть деревенская литература была вызвана к жизни необходимостью разговора о важнейших проблемах будущего России; проза занимала в этом процессе ведущие позиции: «О достоинствах этой прозы можно говорить и вне ее социально-исторического контекста, но весьма существенно само по себе то, что после безраздельного господства в жизни и литературе классовой морали она заговорила о вечных ценностях общечеловеческой, христианской морали и нравственности, создала героев, мыслящих и действующих исключительно в координатах этой, враждебной человеку эпохи «на-

растания классово́й борьбы» и чудной для «застойного» человека – морали» [9, с. 10]. Художественная, эстетическая бесспорность этой прозы признается критиком безоговорочно, но прозы 60-70-х годов (в лице В. Белова, В. Распутина), которая была наполнена «смыслом и содержанием» [10, с. 12].

Разрушенная войной деревня (особенно в среднерусской и северной полосах) фактически пошла на окончательную гибель: экономическая разруха, отсутствие работоспособного населения (большинство людей мужского пола погибло, вернувшаяся часть состояла в основном из инвалидов), плюс неустойчивость экономических отношений, бросившая общество вновь в кабалу, особенно крестьянство, продолжающийся карательный режим сталинского руководства, который вытолкнул крестьянина из деревни в город, где тоже была нехватка рабочей силы – там что-то платили, в деревне – одни трудодни, главным образом, пустые, экономически никак не обеспеченные. Остро встал вопрос о воссоздании деревни.

Был брошен лозунг: выиграли войну с фашизмом, выиграем и войну с разрухой. И главным героем деревенской прозы становится бывший фронтовик – герой войны, кавалер Золотой звезды (по одноименному роману Семёна Бабаевского). Этот клич, затем роман «Кавалер Золотой звезды» вызвали огромную литературу на тему возрождения деревни: как ни трудна была борьба на военном фронте, мы победили, победим и на фронте мирного, созидательного труда. Бывший фронтовик Тутаринов («Кавалер Золотой звезды») преодолел все и выиграл битву за обновленную деревню. Стихия облегченного решения деревенских проблем, запущенная С. Бабаевским, породила массу однотипных произведений в литературе, а вслед за ними и теоретически обоснованный метод изображения жизни вне ее противоречий, то есть сформировалась «теория бесконфликтности» творчества – уже не только в области прозы, а во всей литературе, во всем советском поствоенном искусстве. Что касается литературы о деревне, она фактически разделилась на два взаимоисключающих духовно-эстетических и нравственно-идеологических потока:

1) литература нравственного отступничества, литература, облегченно изображающая сложнейшие процессы в послевоенной деревне;

2) литература, которая создавалась немногими (из писателей – деревенщиков, термин появился позднее), а именно Вал. Овечьиным («С фронтовым приветом», «Районные будни»), Ефимом Дорошем («Деревенский дневник»), Г. Баклановым («В Снегирях»), романы, повести, очерки созданные Г. Троепольским, Г. Мальцевым, др. Писатели стремились исследовать процессы в жизни деревни, осмыслить их в фактах, конкретных явлениях: здесь картина открывалась совсем иная – тяжкий труд крестьянина по-прежнему оставался рабским, и если что-то восстанавливалось и возрождалось, то через принудительно-оскорбительный труд миллионов инвалидов войны и миллионов вдов; этого-то и драматизма «сельских дел» не хотели видеть ни партия, ни государство, а вместе с ними и обслуживающая их литература.

События 1956 года (обнародование культа личности Сталина) сделали возможным некоторое освобождение художников от партийной идеологии (период так называемой «хрущевской оттепели»), и проявилась большая, серьезная, глубокая литература о войне, вместе с нею проза о деревне, продолжившая и обогатившая поиск В. Овечкина, Е. Дороша и других: появилось большое количество повестей, рассказов, романов В. Солоухина, В. Белова, В. Шукшина, Е. Носова, В. Астафьева, Ф. Абрамова, В. Лихоносова, В. Распутина, С. Зальгина, Вл. Крупина, вместе с этими произведениями стали весьма популярными очерки, публицистические книги С. Зальгина, Ю. Черниченко, И. Васильева, В. Распутина, В. Астафьева, десятка других авторов.

Однако, оценка успехов «деревенской прозы» с течением времени стала различной: одни критики (И. Дедков, Вс. Сурганов, Л. Теракопьян, Д. Стариков, Ю. Суровцев, В. Курбатов и др.) рассматривали позитивные идеи прозы о деревне как многообещающие, как значительный шаг в духовном осмыслении народом нравственных программ и поисков в оздоровлении жизни «провинции», в духовном сохранении национального, русского менталитета, как серьезная дума о будущем всей России; другие, наоборот (М. Левина, В. Литвинов, и

др.) не отрицая художественно-эстетическую самостоятельность в целом деревенской прозы, считают, что она исчерпала свои ресурсы, что она теперь занимается ни чем иным, кроме как зовет народ к исходному патриархальному, соборно-коллективному в угоду нивелирования активно действующей личности, то есть к разрушению демократии и т.д. Вполне очевидны цели и задачи апологетов идеи о якобы «несостоявшейся большой русской деревенской прозы», которые и стремятся к тому, чтобы объявить поиски русских писателей в этом направлении не только не позитивными, но наоборот, вредными.

Как видите, проблем у русской прозы (как чисто экологических, так и духовно-нравственных) по сей день множество, хотя и не сказать, что они не исследовались, не изучались нашей наукой и критикой. В новое время, не менее сложное и драматическое, чем поствоенное, эти проблемы снова оказались актуальными. Тем более, что они почти не осмыслены в

контексте современной художественно-экологической публицистики (С. Зальгин, В. Распутин, В. Астафьев), и еще плюс к этому, что мало изучено влияние русской большой художественной и публицистической прозы на творчество национальных писателей.

Примечания:

1. Зальгин С. Критика, публицистика. М., 1987.
2. Айтматов Ч. Быть эхом мира // Вопросы литературы, 1986, № 3.
3. Ж. «Русский вестник», 1861, № 5.
4. Зальгин С. Критика, публицистика. М., 1987.
5. Зальгин С. Указ. раб.
6. Там же.
7. Агеносов В. Творчество М. М. Пришвина и советский философский роман – М., 1988.
8. Там же.
9. Левина М. Апофеоз беспочвенности // Вопросы литературы, 1991. Сентябрь-октябрь.
10. Там же.